

Глушко Ирина Васильевна

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ "ОБЩЕСТВА РИСКА"

В статье рассмотрен вопрос о взаимосвязи между социальными феноменами риска и доверия. Сформулирован тезис о том, что доверие выступает в качестве ресурса безопасности, выживания и снижения риска, а также разрешения социального конфликта. Сделан вывод, что в сложных социальных системах доверие является неинституциональной формой регулирования социального взаимодействия, которая действует наряду с институционализированными формами, в некоторых случаях даже замещая их отсутствие.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. I. С. 37-41. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Символ // София-Логос: словарь. Изд-е 2-е, испр. Киев: Дух і Літера, 2001. С. 155-161.
2. Бердников В. М., Тудоровская Е. А. Поэтика марийских народных песен. Йошкар-Ола: Маргосиздат, 1945. 108 с.
3. Васильев В. М. Марийские народные песни: песни. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 304 с.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 647 с.
5. Глухов В. А., Глухова Н. Н. Символика деревьев и растений в марийских народных песнях // Альманах современной науки и образования. 2008. № 8-1. С. 55-58.
6. Глухов В. А., Глухова Н. Н. Системы символов песен финно-угров Урало-Поволжья. М.: Спецкнига, 2012. 364 с.
7. Глухова Н. Н., Кудрявцева Р. А. Исследование марийской этноидентичности по материалам фольклора и литературы // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2-х ч. Ч. II. С. 58-61.
8. Глухова Н. Н., Кудрявцева Р. А. Этнические ценности мари // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. II. С. 44-47.
9. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
10. Лотман Ю. М. Символ в системе культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллин: Александра, 1992. Т. I. Статьи по семиотике и топологии культуры. С. 191-199.
11. Марий калык муро = Марийские народные песни / сост. В. Коукаль. Л. – М.: Гос. муз. изд-во, 1951. 340 с.
12. Марийские народные песни / пер. С. Подделкова. Изд-е 2-е. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1976. 287 с.
13. Песни горных мари. Свод марийского фольклора. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2005. 512 с.
14. Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Слово и миф. М., 1989. С. 285-378.
15. Соколов Ю. М. Русский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1941. 559 с.
16. Эрвел марий муро-влак. Песни восточных мари. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 320 с.

SYMBOLISM OF COLOUR IN THE MARI SONGS: GENDER ASPECT

Glukhova Natal'ya Nikolaevna, Doctor in Philology, Professor
Mari State University
gluhnatalia@mail.ru

The paper identifies and analyzes the colour symbols of the Mari songs correlating with the description of girls and boys, women and men. The system of colour symbolism is described by complex methodology including the methods of humanities and the application of quantitative assessment resulting in the identification of the groups of symbols. In the hierarchy of symbols the article pays special attention to the description of the semantics and gender correlation of the dominating groups. The Mari folk songs serve as a source for the identification of symbols.

Key words and phrases: folklore; song; symbol; gender representation; national identity; gender aspect; complex methodology; ranking.

УДК 101.1:316

Философские науки

В статье рассмотрен вопрос о взаимосвязи между социальными феноменами риска и доверия. Сформулирован тезис о том, что доверие выступает в качестве ресурса безопасности, выживания и снижения риска, а также разрешения социального конфликта. Сделан вывод, что в сложных социальных системах доверие является неинституциональной формой регулирования социального взаимодействия, которая действует наряду с институционализированными формами, в некоторых случаях даже замещая их отсутствие.

Ключевые слова и фразы: доверие; риск; социальное взаимодействие; социальный капитал; социальный конфликт; социальные практики.

Глушко Ирина Васильевна, к. филос. н., доцент
Азово-Черноморская государственная агроинженерная академия
glu-ir@mail.ru

ПРОБЛЕМА ДОВЕРИЯ В КОНТЕКСТЕ «ОБЩЕСТВА РИСКА»[©]

Проблема доверия становится в последнее время одной из важнейших проблем социально-гуманитарных наук и, несомненно, носит междисциплинарный характер. Исследователи подчеркивают многомерный характер данного социального конструкта. Феномен «доверие» в контексте своей социальности исследуется в социологической науке, где и появился термин «социальное доверие», существует множество трактовок доверия и его типологий. По словам одного из исследователей – А. Н. Андрущенко, одна из главных причин такого плюрализма мнений – «многообразии проявлений доверительных отношений в жизни современного общества» [1, с. 126].

Детальный анализ различных трактовок и попыток типологизации доверия не является нашей задачей. Такого рода исследования уже проведены, в том числе в отечественном общественном сознании. В рамках данной статьи мы ставим задачу выявления взаимосвязи между феноменом доверия и рискогенными факторами социальной реальности.

Как мы уже отметили, теоретические основания для изучения доверия дают нам классики социологической науки. Отправным пунктом своего исследования мы взяли определение доверия в трактовке английского социолога Э. Гидденса в качестве «обобщенного доверия» как «веры в надежность человека или системы», и как основы стабильных долгосрочных социальных отношений. Обратим внимание, что автор подчеркивал проблемный характер развития доверия, а именно – возрастание рисков, трансформирующих «основополагающее доверие» в «более абстрактные» его типы [8].

Одним из первых, кто сделал вывод о глобальности и универсальности риска и его необъятном масштабе в современном обществе, «которое несет в себе угрозу катастроф», был У. Бек [3, с. 27]. Т. А. Рассадина комментирует данное положение и конкретизирует понятие риска: «... Это означает, что прошлое теряет свою детерминирующую силу для современности. На его место, как причина нынешней жизни и деятельности, приходит будущее. Когда мы говорим о рисках, то имеем в виду то, чего нет, но что могло бы произойти, если не изменить вектор движения» [13, с. 84]. Данный автор в числе наиболее распространенных рисков современной цивилизации называет локальные войны, межэтнические конфликты, экстремизм и терроризм; политический, финансово-экономический и экологический кризисы; бедность и голод; безработицу или постоянную угрозу потери работы; деморализацию политики и права, усиление авторитарных тенденций, недоверие к власти и слабость гражданского общества; понижение социального статуса сразу нескольких социальных слоев и социальная апатия; преступность; ценностно-нормативная дезинтеграция; кризис многих институтов духовной сферы – семьи, воспитания, образования, искусства, СМИ. В зависимости от природы происхождения и сферы действия, в самом общем виде, риски классифицируют на техногенные, природожденные и социогенные, однако, они становятся все более взаимосвязанными и многократно усиливают друг друга.

Россия, интегрированная в мировое сообщество, также сталкивается с негативными последствиями перехода к «обществу риска», что проблематизируется неоднородностью экономического и социально-культурного пространства российского общества и ослаблением его социокультурных оснований. К числу необходимых социокультурных оснований, на наш взгляд, можно отнести социальное доверие, которое выступает как массовое явление, присущее большим социальным общностям, как элемент социального капитала. Очевидно, что для эффективного решения задач развития и модернизации российского общества необходимо взаимное доверие между ключевыми социальными субъектами, каковыми являются, в частности, население и властные институты. Неслучайно в последнее время без упоминания о необходимости доверия не обходится, по сути, ни одно публичное выступление или обращение первых лиц государства [12].

Известно, что одна из наиболее известных научных попыток объяснить укоренение доверия в структуре социума предпринята Э. Эриксоном, который вводит понятие «пра-доверие». Эриксон считал, что фундаментальной предпосылкой ментальной витальности является чувство базисного доверия как «формирующаяся на основании опыта первого года жизни установка по отношению к себе и миру» [18, с. 106]. Большое значение Эриксон придавал внешней стабильности социальной системы, в которой живет человек, так как изменение социальных норм и ценностей также нарушает идентичность и обесценивает жизнь человека, что может привести, в том числе, и к кризису доверия к миру.

Подобной точки зрения в социологии придерживался и Э. Гидденс, считая, что в эпоху модерна доверие связано не просто с функционированием социальных систем, а с их правильным функционированием, и рассматривал доверие как «редукцию опасностей, присущих определенным видам деятельности» [20, р. 49-50]. Он фактически отождествляет доверие с онтологической безопасностью, надежностью в социальном поведении и социальных взаимодействиях.

Известный исследователь психологического аспекта доверия Т. П. Скрипкина различает две формы доверия: доверие к миру и доверие к себе, причем они не существуют изолированно друг от друга, а тесно взаимосвязаны. Поскольку сам мир представляет собой неоднородную среду, то доверие человека к миру и доверие к себе постоянно находятся в состоянии подвижного равновесия. «... В одних случаях человек больше полагается на внешнюю социальную среду, а в других – на себя. Крайние формы выхода из равновесия ведут к патологическим последствиям (иначе наблюдаются либо безрассудный риск, либо полное отчуждение личностной индивидуальности от самой себя)» [15, с. 79-81].

Это равновесие соблюдается также в ситуации потери доверия человека к миру. В этом случае резко меняются «привычные внутренние смыслы», поэтому теряется и доверие к себе, ибо в таких критических ситуациях старые смыслы «умирают», а новые еще не созданы. Чтобы снова обрести доверие к миру и преодолеть критическую ситуацию, нужны новые смыслы. Ф. Е. Василюк считает, что эти смыслы нельзя передать, их можно только обрести, причем посредством веры [5].

В рискогенной ситуации, в условиях социальной нестабильности, отсутствия четких критериев поведения в обществе, как показывают опросы респондентов, снижается значение ценностей нормативно-регулятивного порядка. Процесс оценки людьми своего социального статуса, складывающегося под влиянием комплекса их жизненных обстоятельств и составляющего социально-психологическую основу для социальных настроений разного рода, можно определить как социальное самочувствие. Как показывают регулярные опросы Всероссийского центра общественного мнения, на социальном самочувствии населения серьезно сказывается инфляция, алкоголизм, наркомания и низкий уровень жизни россиян. В социальном

самочувствии россиян все более заметными становятся такие негативные явления, как безразличие, апатия, фрустрация, рост ксенофобий и этнофобий, архаизация социальной практики, затруднения социальной мобильности, размывание социального и профессионального статуса основных слоев общества и т.д. [17, с. 5].

В результате формируется модальный тип личности с преобладающей ориентацией на индивидуально-личностные ценности, нормы поведения и деятельности. Однако этот индивидуализм имеет специфический характер: он связан не с социальной самореализацией, гражданской активностью, карьерным и профессиональным ростом и т.п., а с частными, семейными, бытовыми, потребительскими ожиданиями, т.е. с предпочтением личных интересов общественным, «малого мира» повседневности «большому миру» гражданского общества, политических инициатив, рыночного предпринимательства и т.д. [7, с. 148].

Повседневность, хотя и обладает, в сравнении с другими сферами жизни, большей устойчивостью и стабильностью, также не сопротивляется изменениям: в повседневную жизнь навязываются чужие стандарты, вытесняющие привычные нормы, уклад и образ жизни, в результате чего повседневность, по мнению Н. Зарубиной, «все больше превращается в сферу риска, источником которого становится именно то, что раньше давало безопасность – ее устойчивые структуры» [9, с. 61], например, семья.

Что же касается общественного сознания в целом, то исследователи констатируют размытость, неопределенность и переменчивость общественных ориентаций и социального российского настроения. Мы видим, что в России происходит ослабление социальной интеграции. Формы социальной дезинтеграции сегодня все чаще интерпретируются исследователями в аналитическом контексте изучения внутренних и внешних (системных и рефлексивных) признаков недоверия. Так, по данным Европейского социального исследования, один из эмпирических признаков консолидации общества – межличностное доверие в России – одно из самых низких среди европейских стран. Все это провоцирует напряжение социального пространства. По данным того же исследования оказалось, что в России один из самых низких уровней доверия судебно-правовой системе, очень низкий уровень доверия полиции, широко распространено недоверие к окружающим людям вообще [4]. Вопрос о выборе стратегии будущего развития для России по-прежнему остается открытым. Сделать выбор достаточно сложно, учитывая факторы, определяющие развитие мирового сообщества на настоящий момент. Среди таковых, несомненно, номером один следует обозначить рискогенный фактор.

Риск становится постоянно действующим фактором, под влиянием которого изменяется человек, трансформируются его психоэмоциональные и социокультурные ценности. Результаты эмпирического анализа норм и ценностей по данным общероссийских исследований свидетельствуют о том, что в России усиливается дифференциация и плюрализация нормативно-ценностных систем, которые составляют ядро культуры и во многом определяют ее самобытность.

Для того чтобы выяснить соотношение риска и доверия, необходимо проанализировать характеристики риска. Так, Е. А. Цыглакова определяет риск как потенциальную характеристику действия, проявляющуюся в возможности негативных последствий его результатов и отмечает три характеристики риска: 1) связь с возможностью как благоприятного, так и неблагоприятного, даже трагического исхода; 2) сопряженность с утратой или снижением уровня определенности; 3) риск всегда предполагает действие, является характеристикой потенциальной стороны действия [16, с. 11-12].

Данный автор акцентирует внимание на деятельностной стороне риска. Соглашаясь в целом с таким подходом, признавая риск как потенциальную возможность действия, мы хотели бы обратить внимание на доверие как составляющую таковой потенциальной возможности и показать, что доверие в своих содержательных характеристиках выступает в качестве ресурса безопасности, выживания и снижения риска.

О безопасности и проблемах снижения риска и неопределенности, как основной содержательной стороне доверия, писал немецкий социолог Н. Луман. Он считал доверие продуктом рационализации социального мира, которое основывается на расчете. В рамках рационалистического подхода Н. Луман рассматривает доверие как механизм, который обеспечивает редукцию социальной сложности и формы его существования. Развивая обозначенное Гидденсом доверие «к абстрактным системам», Луман называет системное доверие *уверенностью* в правильном функционировании системы или уверенностью в надежности правильного функционирования всеобщих средств коммуникации (доверия, любви, власти, денег) [21, S. 27-38]. Таким образом, Луман приходит к анализу обратной стороны доверия – недоверию и рискам, а также диалектике доверия / недоверия как стратегического основания выбора / действия. Интерпретируя подход Лумана к пониманию диалектики доверия и недоверия в теории социальных систем – «доверия как ожидания» и «недоверия как обманутого ожидания», М. Сасаки и его соавторы подчеркивают, что доверие и недоверие в концепции Лумана уравниваются как «ресурсы выживания», они становятся основаниями «редукции сложности», которые в итоге дают возможность понять, как именно «система может отреагировать на то небольшое, что ею допускается» [14, с. 62].

Для появления и упрочения доверительных отношений важен временной фактор, т.е. длительность взаимодействия, когда во временной паузе возникает так называемый «кредит доверия». Появление же обратного явления – недоверия – означает разрыв определенной традиции, ситуативное («здесь и теперь») определение ситуации. В этом аспекте исследователями отмечается эвристичность типологии социального действия М. Вебера, и, прежде всего, выделение целерационального и ценностно-рационального действия. Если целерациональное действие – это каждый раз сознательное определение целей и средств, отказ от опоры на предшествующий опыт, то именно оно может стать выражением состояния недоверия. И наоборот, ценностно-рациональное действие с верой в незыблемую ценность какого-либо поведения становится формой выражения доверия. Согласимся с мнением С. Е. Вершинина, что эта аналогия является лишь частичной, ибо она не охватывает все типы возможных ситуаций доверия и недоверия [6].

В этом смысле большие возможности в анализе феномена доверия дает, на наш взгляд, структурный функционализм. Как известно, функционалистские идеи в социологии восходят к теориям О. Конта, Г. Спенсера и Э. Дюркгейма. Т. Парсонс и Р. Мертон, критически перерабатывая идеи Э. Дюркгейма и М. Вебера, увязывают веберовское представление о необходимости рассматривать индивидуальные смыслы социальных действий с позитивистской идеей об обществе как целостной системе. Действующее лицо стремится к достижению цели и находится в определенной ситуации, которая включает изменяемые и неизменяемые факторы. Факторы, поддающиеся изменению, могут быть использованы в качестве средств достижения цели, а неизменяемые факторы составляют условия действия. Социальная система, обладая свойствами открытости и определенности своего временного существования, вынуждена ориентироваться как на внешние, так и на внутренние факторы, которым соответствуют четыре системные функции: адаптации, поддержания состояния равновесия (латентности), целеполагания и интеграции (внутренней координации элементов системы).

В данных функциях, на наш взгляд, достаточно велика конструктивная роль доверия. Так, по мнению авторитетного исследователя феномена доверия П. Штомпки, доверие освобождает и мобилизует человеческое действие; поощряет творческую, инновационную и предпринимательскую активность; снижает неопределенности и риски и, в целом, выполняет положительную функцию [11].

В качестве одного из факторов риска выступают социальные конфликты, создающие и углубляющие ситуацию социальной неопределенности и противоречий. Изучением причин возникновения, условий протекания и возможностей разрешения конфликта, анализом всех его форм и разновидностей занимается социологическая теория конфликтов. Подход данной теории, на наш взгляд, иллюстрирует богатую палитру трансформации доверительных отношений в конфликтной ситуации, когда конфликт не обязательно несет в себе полное разрушение доверия.

В качестве иллюстрации рассмотрим определения конфликта, предлагаемые видными представителями данной отрасли социологического знания. Наиболее распространенным определением понятия «конфликт» в западной науке можно считать формулировку, данную одним из основоположников теории конфликтов Л. Козером: «Социальный конфликт – это борьба за ценности и претензии на определенный статус, власть и ресурсы, борьба, в которой целями противников являются нейтрализация, нанесение ущерба или уничтожение соперника» [19, р. 56]. Автор делает упор на позитивную функцию конфликта – поддержание динамического равновесия социальной системы. Здесь уместно отметить, что данную функцию выполняет и феномен доверия в обществе. Если конфликт, по мнению Козера, связан с целями, ценностями или интересами, не затрагивающими основ существования групп, то он является позитивным. Если же конфликт связан с важнейшими ценностями группы, то он нежелателен, так как подрывает основы группы и несет в себе тенденцию к ее разрушению, порождая безверие и недоверие.

Основоположник американской конфликтологии У. Ф. Линкольн подходит к рассмотрению конфликта с позиций здравого смысла и прагматизма и дает определение конфликта более приближенное, на наш взгляд, к реалиям доверия и его доминантных признаков: конфликт – это понимание, воображение или опасение хотя бы одной стороной того, что ее интересы нарушает, ущемляет и игнорирует другая сторона или стороны. В сущности, конфликт – это конкуренция в удовлетворении интересов, фактически – конфликт интересов, которому присуще отсутствие уверенности. Потеря уверенности в другой стороне или ее отсутствие проявляется в любой конфликтной ситуации, в любом наборе институциональных ожиданий или в способности индивида как носителя социальной роли, выполнять эту роль в соответствии с принятыми стандартами ролевых отношений и / или ролевыми ожиданиями. У. Ф. Линкольн выделяет несколько основных факторов (причин) конфликтов: 1) информационный фактор, т.е. информация, приемлемая для одной стороны и неприемлемая для другой или других; 2) структурный фактор, т.е. формальные и неформальные характеристики группы – ролевые, нормативные и пр.; 3) ценностный фактор, т.е. личностные и групповые системы поведения, которым предположительно будут следовать все члены группы; 4) поведенческий фактор, т.е. стратегия поведения в конфликтной ситуации: избегание, приспособление, конкуренция, компромисс, сотрудничество; 5) фактор отношений, связанный с удовлетворением от взаимодействия двух и более сторон или его отсутствием [10].

Остановимся подробнее на последнем факторе, как наиболее отражающем особенности социального взаимодействия в конфликтных отношениях. Здесь следует обратить внимание на следующие аспекты: основа отношений (добровольные / принудительные); сущность отношений (зависимые / независимые, взаимозависимые); совместимость / несовместимость людей в процессе взаимоотношений; ожидания от них; их важность, ценность, длительность; вклад сторон во взаимоотношения и пр. Анализ данного фактора позволяет нам выделить в нем детерминанты, коррелирующие доверию / недоверию.

Следовательно, доверие в своем возникновении, реализации и утрате занимает определенное место среди причин возникновения, условий протекания, а также возможностей разрешения социального конфликта. Значимость фактора доверия в поддержании социальной стабильности становится очевидной, если рассматривать социальные взаимодействия (в том числе конфликтные) как обмен ценностями, информацией, услугами (ресурсами).

Д. Аптер, один из авторов теории конфликтов, исходя из теории равновесия общества, выделяет три степени развития общественных конфликтов: 1) столкновение предпочтений (кооперация); 2) столкновение интересов (конкуренция); 3) столкновение основных ценностей (подлинный конфликт). По мнению автора, задача состоит в том, чтобы трансформировать конфликты ценностей в конфликты интересов, или в столкновение предпочтений [2].

Очевидно, что для этого необходимо наличие эффективной коммуникации между сторонами, когда выдвигается больше конструктивных идей, участники внимательны и восприимчивы к идеям других, отмечаются дружелюбие, взаимопомощь, снижение враждебности в отношениях, меньше трудностей в общении и взаимопонимании. Стороны переживают ощущение общности мнений и ценностей, осознается ценность критических замечаний. При этом существенно, чтобы конфликт понимался как общая проблема, которая может быть решена только совместными усилиями сторон. Все это способствует, на наш взгляд, возрождению доверительности или, по крайней мере, позволяет преодолеть безверие, недоверие, а затем приблизиться к утраченной в конфликте психологической атмосфере, основанной на чувстве доверия. Главный ресурс доверия, который всегда существует и должен быть на практике – это ресурс кооперации, партнерства, сотрудничества на базе общих принципов и согласования интересов между сторонами конфликта.

Итак, в обществе, характеризующемся нарастанием социальной напряженности и утратой морально-ценностных ориентиров, расширяется сфера действия других социальных феноменов, выступающих «скрепами» социума. С точки зрения теорий социальных систем, по мере развития общества усложняется и его структура, нарастает сложность социальных отношений, что делает востребованными более сложные модели социального взаимодействия, основанные, по нашему мнению, в том числе и на разных формах доверия. В сложных социальных системах доверие выступает регулятором социального взаимодействия и действует параллельно с другими, гораздо более рациональными и институционализированными формами его регулирования, а в некоторых случаях – даже замещая их отсутствие.

Список литературы

1. Андрущенко А. Н. Анализ и систематизация научных подходов к формированию типологии доверия (опыт библиографического анализа) // Социс. 2013. № 8. С. 126-135.
2. Аптер Д. Э. Введение в политический анализ // Социология политики. Реферативный сборник / под ред. Т. В. Андриановой. М.: Вече, 1981. 357 с.
3. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-традиция, 2000. 384 с.
4. Беляева Л. А. Культурный капитал, социальный капитал и напряженность социального пространства России // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 27-44.
5. Василюк Ф. Е. Психология переживания. Анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. 79 с.
6. Вершинин С. Е. Доверие как социальный институт гражданского общества (Методологические проблемы исследования) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.werschinin.ru/?ml=35> (дата обращения: 07.08.2010).
7. Готово ли российское общество к модернизации? / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. 344 с.
8. Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. [Электронный ресурс]. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/567/> (дата обращения: 09.08.2010).
9. Зарубина Н. Н. Повседневность в контексте социокультурных трансформаций российского общества // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 52-62.
10. Латынов В. Обзор зарубежных исследований по психологии конфликта // Иностранная психология. 1993. Т. 1. № 2. С. 87-92.
11. Лукин В. Н., Мусненко Т. В. Модель культуры доверия П. Штомпка: профили рисков // Теоретический журнал «CREDO NEW». 2008. № 2. С. 27-31.
12. Путин В. В. Программа 2012-2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2012/01/12/putin-site.html> (дата обращения: 20.01.2012).
13. Рассадина Т. А. Россияне в условиях «общества риска»: эмоциональный и ценностный аспекты // Социс. 2013. № 11. С. 84-93.
14. Сасаки М., Давыденко В. А., Ромашкина Г. Ф., Воронов В. В. Сравнительный анализ доверия в различных странах // Социс. 2013. № 3. С. 60-73.
15. Скрипкина Т. П. Методологический анализ проблемы доверия // Прикладная психология. 1998. № 1. С. 76-85.
16. Социология безопасности: учеб. пособие для студентов пед. вузов / авт.-сост. Е. А. Цыглакова. Балашов: Николаев, 2009. 196 с.
17. Тощенко Ж. Т. Теоретические и прикладные проблемы исследований новых явлений в общественном сознании и социальной практике // Социс. № 7. С. 3-6.
18. Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис / пер. с англ. М.: Флинта; МПСИ; Прогресс, 2006. 342 с.
19. Coser L. The Functions of Social Conflict. N. Y.: Free Press, 1956. 188 p.
20. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 188 p.
21. Luhmann N. Vertrauen. Stuttgart, 2000. 140 S.

PROBLEM OF CONFIDENCE IN CONTEXT OF “SOCIETY OF RISK”

Glushko Irina Vasil'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Azov – Black Sea Agroengineering Academy
glu-ir@mail.ru

The article examines the problem of interaction between the social phenomena of risk and confidence. The author formulates the thesis that confidence serves as a resource of security, survival and reducing risk, and also the solution of a social conflict. The paper concludes that under complex social systems confidence is a non-institutional form of regulating social interaction, which functions along with institutionalized forms, in some cases even compensating for their absence.

Key words and phrases: confidence; risk; social interaction; social capital; social conflict; social practices.